
pocket**book**

rocket**book**

ДЖОН ГОЛСУОРСИ

Прогулка в тумане

МОСКВА
2016

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44
Г61

Перевод с английского

Оформление *А. Саукова*

В оформлении обложки использована репродукция
картины «Приятная компания» (1906)
художника Гарди Хейвуда (1842–1933)

Голсуорси, Джон.

Г61 Прогулка в тумане [перевод с английского] /
Джон Голсуорси. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 288 с.

ISBN 978-5-699-88351-6

Изменение мира с помощью красоты и свободы – один из принципов творчества английского прозаика и драматурга, лауреата Нобелевской премии по литературе и основателя ПЕН-клуба Джона Голсуорси. «Высокое искусство повествования», глубокий психологизм, реалистичный взгляд на общество и искреннее поклонение прекрасному – в рассказах знаменитого писателя.

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

© Литвинова Т., Райт-Ковалева Р.,
Лорие М., Кан М., перевод на
русский язык. Наследники, 2016

© Злобин Г., перевод на русский
язык, 2016

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-699-88351-6

ООО «Издательство «Э», 2016

ПЕРВЫЕ И ПОСЛЕДНИЕ

И будут первые последними, а последние — первыми.

Священное писание

I

К шести часам вечера в комнате становилось темно, и только единственная керосиновая лампа на столе бросала из-под зеленого абажура пятна света на турецкий ковер, на обложки снятых с полок книг и открытые страницы той, что была выбрана для чтения, на темно-синий с золотом кофейный сервиз, расставленный на низеньком столике, покрытом вышивкой в восточном вкусе. Зимой, когда шторы опускались, в этой комнате с обшитым дубовыми панелями потолком и такими же стенами, с рядами тяжелых томов в кожаных переплетах было совсем темно. Комната к тому же была очень большая, так что освещенное место у камина, где сидел Кит Даррант, казалось крохотным оазисом. Но это нравилось ему. После трудового дня, усердного изучения судейских «дел» по утрам, после волнений и напряженных часов в суде те два часа перед обедом, что он проводил за книгами, кофе и трубкой, а порой и в легкой дремоте, были для него отдыхом. В своей старой куртке коричневого бархата и красных турецких

туфлях Кит хорошо гармонировал со своим обрамлением — смесью света и темноты. Художника живо заинтересовало бы его желтоватое, резко очерченное лицо, изгиб черных бровей над глазами, серыми или карими — трудно было сказать, темные, с проседью волосы, все еще густые, несмотря на то что в суде он весь день не снимал парика. Сидя здесь, Кит редко думал о своей работе, с привычной легкостью отвлекаясь от утомительных размышлений, которые требовались, чтобы распутывать бесчисленные нити доводов и показаний. Для его ясного ума, научившегося почти бессознательно отбрасывать все несущественное и из множества человеческих поступков и путаных подробностей отбирать юридически важное, работа в суде была глубоко интересна и только иногда скучна и неприятна. Вот, к примеру, сегодня он заподозрил одного клиента в лжесвидетельстве и почти решил отказаться от ведения его дела. Ему сразу не понравился этот хилый, бледный человек, его нервные, сбивчивые ответы и испуганные глаза навывкате — слишком обычный тип в наши дни лицемерной терпимости и сентиментальной гуманности. Нехорошо, нехорошо!

Сняв с полки три книги: томик Вольтера — в этом французе, несмотря на его разрушительную иронию, было какое-то удивительное очарование, — «Путешествия» Бэртона и «Новые арабские ночи» Стивенсона, Кит выбрал последнюю. В этот вечер он испытывал потребность почитать что-нибудь успокоительное, ему ни о чем не хотелось думать. В суде весь день толпился народ, было душно. Он пошел домой пешком, но слабый, влажный ветер с юго-запада ничуть не бодрил и не освежал. Кит устал, был

раздражен, и впервые пустота его дома показалась ему чужой и неприятной.

Привернув фитиль лампы, он повернулся к камину. Может быть, немного поспать, прежде чем идти на скучный обед к Теллассонам? Как жаль, что сейчас не каникулы и из школы не придет Мэйзи. Он уже много лет был вдовцом и отвык от присутствия женщины в доме, но сегодня он испытывал сильное желание побыть со своей юной дочерью, увидеть ее быстрые движения и темные блестящие глаза. Удивительно, что некоторые мужчины постоянно нуждаются в обществе женщины. Вот как брат Лоренс. Опустился... стал совсем безвольным... и все из-за женщины! Стоит на краю пропасти, живет чуть не впроголодь, утратил все таланты! Можно было думать, что шотландская выдержка спасет его, но когда шотландец начнет катиться вниз, его не остановишь. Странно, что в двух таких разных людях, как они с братом, течет одна кровь. Он, Кит, всегда думал, что только этой крови их матери он обязан всеми своими успехами.

Мысли его внезапно перескочили на одно дело, которое тревожило его профессиональную совесть. Он, как всегда, не сомневался в своем всестороннем знании дела, но на этот раз отнюдь не был уверен, что дал правильный совет. Ну что ж! Без умения решать и отстаивать свои решения, не поддаваясь никаким опасениям, трудно рассчитывать на прочное положение в адвокатуре, трудно рассчитывать вообще на что-либо. С годами он все более убеждался в необходимости действовать решительно, по-мужски, во всех житейских делах. Слово и натиск, но первым делом — натиск! Никаких сомнений и

колебаний, никаких тошнотворных сантиментов, этого порождения нынешнего угасающего века!

Красивое лицо Кита исказилось почти дьявольской усмешкой — впрочем, это, быть может, была игра мерцающего огня камина. Усмешку медленно стерла дремота. Кит уснул...

Он проснулся внезапно, ощутив чье-то присутствие в темноте, и спросил, не поворачивая головы: «Что такое?» Ему показалось, что кто-то тяжело переводит дух. Кит прибавил свет в лампе.

— Кто тут?

Голос у двери ответил:

— Это я, Ларри!

То ли потому, что его внезапно разбудили, то ли голос брата звучал как-то необычно, но Кит невольно задрожал.

— Я спал. Входи.

Он не поднялся и даже не повернул головы, узнав, кто пришел, а сидел, не сводя полузакрытых глаз с огня, и ждал, пока Лоренс подойдет к нему: посещение брата не сулило ничего хорошего. Кит слышал его прерывистое дыхание и уловил запах виски. Неужели он не может воздержаться, хотя бы когда идет сюда? Это было так по-детски, говорило о полном отсутствии чувства меры и приличия! И он резко спросил:

— Ну, что случилось, Ларри?

С Лоренсом всегда что-нибудь случалось. Кит нередко удивлялся силе того покровительственного чувства, которое заставляло его терпеливо сносить хлопоты, доставляемые просьбами братца. Или это узы крови и шотландская преданность родне (устарелое качество, которое и разум его и отчасти инстинкты отвергали как слабость), несмотря ни на

что, привязывали его к брату-неудачнику? Что он там мешкает у двери: должно быть, пьян? И Кит произнес уже мягче:

— Что ж ты не проходишь? Садись.

Лоренс подошел ближе, держась стен и избегая света, — нижняя половина его туловища, по пояс, была ярко освещена, а лицо, искаженное тенью, напоминало таинственный лик призрака.

— Ты болен?

Лоренс и на этот раз не ответил, только покачал головой и приложил руку к бледному лбу под всклокоченными волосами. Запах виски еще усилился, и Кит подумал:

«А он действительно пьян! Хорошенькое зрелище для моего нового лакея! Уж если не умеешь себя вести...»

Фигура у стены испустила вздох. То был вздох отчаявшегося сердца, и Кит вдруг подумал с тревогой, что еще не знает причины этого жуткого молчания. Он поднялся и, стоя спиной к камину, сказал жестко — жесткость была невольная, вызванная нервным раздражением:

— Ну, в чем же дело? Чего стоишь и молчишь как рыба? Уж не убил ли ты кого?

Секунду никакого ответа, Кит не слышал даже дыхания. Затем шепот:

— Да...

Ощущение нереального, которое так помогает в минуты бедствия, заставило Кита с силой произнести:

— Боже! Ты действительно пьян!

Но им уже овладел смертельный ужас.

— О чем ты говоришь? Подойди сюда, чтобы я мог тебя видеть. Что с тобой, Ларри?

Пошатываясь и спотыкаясь, Лоренс вышел из укрывавшей его темноты и плюхнулся в освещенное кресло. Опять послышался долгий, прерывистый вздох.

— Со мной ничего, Кит! А то, что я сказал, — правда.

Кит быстро шагнул вперед, пристально посмотрел в лицо брату и сразу же понял: да, это правда, не мог быть притворным этот полный ужаса и удивления взгляд. Глаза казались чужими на лице Ларри. У Кита сжалось сердце — так может смотреть только большое, настоящее несчастье. Но нахлынувшая на него щемящая жалость тут же сменилась сердитым замешательством.

— Ради бога, что значит вся эта чепуха?

Однако он заметно понизил голос, потом отошел и проверил, заперта ли дверь. Лоренс придвинул кресло к камину и, сгорбившись, всем своим худым телом наклонился к огню. Его испитое скуластое лицо с ввалившимися голубыми глазами под шапкой вьющихся волос все еще сохраняло некоторую привлекательность.

— Полно, Ларри! Успокойся... не преувеличивай.

— Говорят тебе, это правда! Я убил человека.

Этот громкий, запальчивый ответ подействовал на Кита как холодный душ. Да как он может кричать громко такие слова? Вдруг Лоренс заломил руки. В этом жесте было столько страдания, что у Кита судорожно задергалось лицо.

— Почему ты решил признаться именно мне?

Отблески огня пробежали по лицу Ларри, придавая ему какое-то сверхъестественное выражение.

— Кому же еще? Я пришел узнать, что мне делать, Кит. Заявить полиции или нет?

От такого внезапного перехода к практическим вопросам у Кита екнуло сердце. Так это не сон? Но он сказал спокойным тоном:

— Ну, расскажи... Как... как все это случилось?

После этого вопроса тягостный, отвратительный кошмар превратился в действительность.

— Когда это произошло?

— Прошлой ночью.

В лице Ларри было — Кит и раньше замечал это выражение — что-то детское, правдивое. Нет, адвоката из него бы не вышло! Кит продолжал:

— Как? Где? Расскажи все по порядку, с самого начала. Вот, выпей кофе, это прочистит тебе мозги.

Ларри взял голубую чашечку и осушил ее.

— Да, — начал он. — Вот как это было, Кит... Несколько месяцев назад я познакомился с девушкой...

«Опять женщины!»

— Дальше, — процедил Кит сквозь зубы.

— Отец ее, поляк, умер здесь, когда ей было шестнадцать лет, и она осталась совсем одна. В том же доме жил некто Уолен, полуамериканец. Она очень хорошенькая, и Уолен женился на ней или сделал вид, что женился... Вскоре он бросил ее с шестимесячным ребенком на руках, когда она ожидала уже второго. Новорожденный умер, и она чуть не умерла. Потом она голодала, пока не сошлась с другим человеком. Они прожили вместе два года, потом вдруг появляется Уолен и заставляет ее вернуться к нему. Этот негодяй ни за что ни про что избивал ее до крови. Потом снова бросил. В то время, когда я встретился с ней, старший ее ребенок тоже умер, и она спала с кем попало.

Лоренс вдруг посмотрел Киту в лицо.

— Клянусь тебе, я никогда не встречал такой милой и доброй женщины. Женщина! Да ей только двадцать лет! Когда я вчера пришел к ней, этот скот Уолен опять разыскал ее. Он увидел меня и начал хулиганить, задевать меня. Потом кинулся на меня. Смотри! — Ларри дотронулся до ссадины на лбу. — Ну, я схватил его за горло и, когда отпустил...

— Ну?

— Он был мертв. Я только потом узнал, что она повисла на нем сзади.

Он снова заломил руки.

Кит сурово спросил:

— И что же ты сделал потом?

— Мы долго сидели около него. Потом я взвалил его на плечи и отнес за угол, под арку.

— Далеко?

— Ярдов пятьдесят.

— ...Кто-нибудь видел тебя?

— Нет.

— Когда это случилось?

— В три часа ночи.

— Что было потом?

— Я вернулся к ней.

— Зачем же?.. О боже!

— Она боялась остаться одна, и я тоже, Кит.

— Где это?

— В Сохо. Дом сорок два по Борроу-стрит.

— А арка?

— На углу Глав-лейн.

— Что?! Да ведь я читал об этом в газете!

Схватив лежавшую на столе газету, Кит прочел: «Сегодня утром под аркой на улице Глав-лейн, Сохо, обнаружено тело неизвестного. Следы пальцев на горле свидетельствуют о примененном насилии.

Труп, по-видимому, был обобран, и ничего не найдено, что могло бы помочь установить личность убитого».

Значит, все — истинная правда! Убийство! Его родной брат — убийца! Он обернулся и сказал:

— Ты узнал об этом из газет, и тебе все приснилось... Слышишь, тебе приснилось!

Ларри ответил грустно:

— Если бы это было так, Кит!

Теперь Кит сам готов был в отчаянии заломить руки.

— Ты что-нибудь взял... с тела?

— Когда мы боролись, выпало вот это.

Ларри протянул пустой конверт с южноамериканской маркой, на конверте был адрес: «Патрик Уолен, отель Саймона, Фэррьер-стрит, Лондон». У Кита снова екнуло сердце.

— Брось это в камин, — сказал он, но вдруг нагнулся, чтобы вытащить конверт из огня. Ведь тем самым он становился как бы сообщником этого... этого... Однако он не тронул конверта. Бумага потемнела, покоробилась и превратилась в пепел.

Кит повторил вопрос:

— Что заставило тебя прийти и рассказать все это мне?

— Ты разбираешься в таких вещах. Я ведь не хотел убивать его. Я люблю эту девушку. Что мне делать, Кит?

До чего же он прост! Спрашивает, что ему делать! Как это похоже на Ларри! И Кит спросил:

— Как ты думаешь, тебя никто не видел?

— Улица темная и глухая, и никого там не было.

— Когда ты совсем ушел от нее?

— Около семи.

- И куда пошел?
- Домой.
- На Фицрой-стрит?
- Да.
- Кто-нибудь видел, как ты входил?
- Нет.
- Что ты делал с тех пор?
- Сидел у себя.
- Никуда не выходил?
- Нет.
- И не виделся с этой женщиной?
- Нет.
- Значит, ты не знаешь, что она делала все это время?
- Нет.
- Она способна тебя выдать?
- Никогда!
- А она не истеричка, себя не выдаст?
- Нет.
- Кто еще знает о ваших отношениях?
- Никто.
- Никто?
- Кто же может знать, Кит?
- Кто-нибудь видел тебя, когда ты вечером шел к ней?
- Нет. Она живет на первом этаже. У меня есть ключи.
- Дай-ка их сюда. Что у тебя есть еще, что указывало бы на вашу связь?
- Ничего.
- А дома?
- Ничего.
- Никаких фотографий, писем?
- Нет.

— Припомни хорошенько!

— Ничего нет.

— Никто не видел тебя, когда ты вернулся к ней?

— Нет.

— А когда уходил утром?

— Никто.

— Удачно! Сиди, я должен подумать.

Да, надо обдумать это проклятое дело, столь немыслимое, невероятное! Но Кит не мог сосредоточиться. Мысли разбегались. И он снова начал спрашивать брата.

— Это была первая встреча с ней Уолена после его возвращения?

— Да.

— Так она сама сказала тебе?

— Да.

— Как он узнал, где она живет?

— Не знаю.

— Ты был здорово пьян?

— Вовсе не пьян.

— Сколько же ты выпил?

— Пустяки, около бутылки кларета.

— Так говоришь, ты не хотел убивать его?

— Видит бог, нет!

— Ну, это уже кое-что. Почему ты выбрал арку?

— Это было первое попавшееся темное место.

— По лицу видно, что человек задушен?

— Не надо, Кит!

— Я спрашиваю, видно?

— Да.

— Очень обезображено?

— Да.

— Ты не посмотрел, есть ли метки на одежде?

— Нет.